

Глава 3

Деревня Баоцюань по большей части была холмистой, изрезанной крутыми склонами. Лучшие уголья на восточной равнине ещё в стародавние времена заняли первые поселенцы — семья Цинь. Предкам семьи Тао, пришедшим сюда позже, пришлось довольствоваться лишь окраинами.

Дом Тао стоял в глубине деревни, у развилки небольшой тропы, ведущей в сторону от главной дороги. По соседству, в столь же стеснённых условиях, обитала семья Ю.

Стоило свахе Цай покинуть порог, как слухи о делах в семье Тао со скоростью лесного пожара разнеслись по округе. У большой ивы, что росла на краю деревенского тока, всегда околачивались бездельники. Завидев женщину, важно шествующую по главной улице, они тут же облепили её, точно мухи.

— Ну что, из семьи Ю, — обратился кто-то к невестке из соседнего дома, — приглянулся на этот раз Юй-гээр жених?

В семье Ю было трое братьев; их родители давно отошли в мир иной, и старым родовым домом теперь заправлял старший сын семьи Ю. Его жена, Цинь Лихуа, не умела держать язык за зубами. Стоило кому-то проявить любопытство, как её прорвало — слова так и посыпались наружу.

— Приглянулся? Да это ещё посмотреть надо, приглянулся ли он той семье! — фыркнула она.
— По мне так, вариант, что сваха предложила — лучше не сыскать для нашего Юй-гээр. А он, ишь ты, нос воротит!

— Из семьи Вань? — оживились в толпе.

— Из каких таких Вань?

— Да из деревни Эрли же.

Люди в деревне постоянно сновали туда-сюда, и через вторые-третьи руки новости о соседях доходили быстро.

— Из Вань? Так это не те ли, что... — начала было одна женщина.

— Что «те»? — подхватили остальные.

В глазах говорившей на миг промелькнуло замешательство, но она тут же нацепила беззаботную улыбку:

— Да ничего такого. Просто в Эрли этих Вань — пруд пруди, поди разберись.

— О чём это вы тут толкуете? — раздался за спинами мягкий, вкрадчивый голос.

Все разом вздрогнули. Госпожа Ю (Цинь) обернулась и, узнав говорившего, испуганно моргнула. Она поспешно вскочила, намереваясь потихоньку ускользнуть от греха подальше.

— Сестрица Цинь, куда же вы так торопитесь? — Ян Цюэ с неизменной медовой улыбкой на лице в один шаг преградил ей путь, не снимая с плеч тяжёлого короба. — Вы же так складно рассказывали. Поведайте и мне, я весь во внимании.

Лихуа замерла. Нет ничего горше, чем быть пойманной на сплетнях родственником того, кого обсуждаешь. Супруг третьего брата Тао славился своей привычкой горой стоять за домочадцев — к Юй-гээр он относился как к родному сыну.

Одна из тётушек, не выдержав его пронзительного взгляда, вскочила со своего места:

— Ох, батюшки! Совсем забыла, у меня же в печи огонь горит! Побегу я.

Стоило одной дать дёру, как остальные брызнули в разные стороны, точно испуганные воробьи. Ян Цюэ посмотрел вслед Цинь Лихуа, которая, пригнув голову, почти бегом промчалась мимо него.

— Сестрица Цинь, что же вы так припустили? — крикнул он ей вдогонку. — Нам же по пути, подождите меня!

Но та лишь прибавила ходу, словно за ней гнались все демоны преисподней.

Дом Тао стоял на отшибе, но от длинного языка соседки это не спасало. Стоило в семье произойти хоть чему-то мало-мальски важному, как Цинь Лихуа тут же разносила весть по всей округе. В списке тех, кто больше всего раздражал Ян Цюэ в деревне, она прочно удерживала место в первой тройке.

Добравшись до калитки, Ян Цюэ толкнул дверь и увидел своих сорванцов, сидевших подле Циньюя. Тот что-то увлечённо им нашёптывал — верно, снова задумал какую-то проказу.

— Юй-гээр!

— Младший дядя! Вы вернулись!

— Младший папочка! — близнецы Цинья и Цинмяо, точно голодные птенцы, завидев родителя,

со всех ног бросились к нему и мёртвой хваткой вцепились в его ноги.

Тао Циньюй поспешил на помощь, помогая дяде снять тяжёлую ношу.

— Кто-то к нам сегодня заходил? — поинтересовался Ян Цюэ.

— Сваха Цай, — со вздохом отозвался юноша. — Жаль, вас не было.

— Тьфу, да на неё полагаться — себя не уважать! У этой бабы из десяти свадеб девять — с гнильцой. — Ян Цюэ нахмурился и решительно направился к дому. — Нет, надо мне с Фан У поговорить.

Циньюй придержал его за локоть.

— Не нужно. Дедушка уже сказал, что больше её на порог не пустит.

Только тогда Ян Цюэ немного остыл. Он взглянул на своих сыновей, которые с разочарованием заглядывали в пустой короб, и с горькой усмешкой потрепал их по волосам.

— Забыл папа купить вам сладостей, простите старого.

Заметив печаль в его глазах, малыши тут же расплылись в улыбках.

— Ничего, младший папочка, нам и не хотелось.

— Мы сегодня мясо кушали!

Ян Цюэ картинно всплеснул руками:

— Ох, мясо... А меня-то и не позвали.

— Да папы дома не было! Всё... всё съели!

— Ничего не съели, тебе оставили. Вечером приготовлю, — на крыльце появился Фан У с кухонным ножом в руке.

— Куда это ты собрался? — спросил Ян Цюэ.

— Овощей к ужину срезать.

— Я с тобой.

Они обменивались короткими фразами, пока вместе не вышли за ворота.

В семье Тао было двое супругов-фуланов. Старший, Фан У, статный и широкоплечий, обладал волевыми чертами лица и решительным характером. Стоило ему нахмуриться да взять в руки какой-нибудь инструмент, как он тут же становился похож на воина, готового ринуться в бой.

Младший же, Ян Цюэ, на первый взгляд казался мягким, точно свежее тесто. В свои тридцать он сохранял округлое, по-детски доброе лицо и кроткий нрав. Однако за этой внешней мягкостью скрывался острый ум: дома он мог быть ласковым котом, но в делах внешних выпускал когти и не давал спуска никому.

Несмотря на столь разные характеры, за долгие годы они научились жить в полном согласии.

Когда дяди ушли, Цинъюю пришлось самому тащить мешок с бурым рисом в кладовую. Приструнив младших и отправив их играть с Цинцзя, он подхватил рыболовную сеть и направился к пруду за домом.

Их рыбное хозяйство, раскинувшееся на двух му земли, было устроено на собственных наделах. Пруд существовал уже более десяти лет: каждую весну туда выпускали мальков, а к зиме, когда рыба нагуливала вес, начиналась большая ловля. Крупную забирали на продажу, а мелочь отправляли обратно — подрастать.

По краям пруда зеленели грядки, где сейчас трудились оба папочки. Берега украшали полтора десятка грушевых деревьев — осенний урожай сладких плодов тоже приносил в семью копейчку.

Цинъюю привычным движением забросил сеть, намереваясь собрать улов завтра на рассвете. Фан У, наблюдая, как сын споро подтягивает штанины и скидывает обувь, тяжело вздохнул:

— Ну вот в кого он такой уродился? Чистый мужик, ни капли в нём от гээра нет.

Ян Цюэ лишь понимающе улыбнулся:

— А может, оно и к лучшему. Зато в обиду себя не даст.

— Да кто ж его посмеет обидеть! — вскинулся Фан У. Хоть он и ворчал на сына, но в душе души в нём не чаял. — Я за него любому глотку перегрызу!

— Вот видишь. Мы все за ним как за каменной стеной. Гээр у нас справный, найдётся и для него пара. Мы ведь тоже не в нежном возрасте под венец пошли, а мужья нам достались —

получше многих. Ты не кручинься, наш Юй-гээр ещё всем покажет, на что способен.

— Твоими бы словами...

— О чём это вы тут шепчетесь?

Между ними вдруг просунулась круглая голова Цинъюя.

Фан У от неожиданности едва не выронил нож. Придя в себя, он легонько, точно котенка, потрепал сына по макушке:

— Не твоё дело, иди вон рыбу лови.

— Ой-ой...

— Штанины опусти! Стыд и позор на мою голову!

Цинъюй, прикрыв уши ладонями, лишь весело рассмеялся:

— Не слышу, ничего не слышу!

— Ох, получишь ты у меня!

Юноша с хохотом бросился прочь. Он знал — папа только грозит, рука у него на сына никогда не поднимется. Если и было в его нынешней жизни что-то по-настоящему бесценное, так это семья, о которой он когда-то мог только мечтать.

На следующее утро Тао Цинъюй поднялся ни свет ни заря. Когда он добрался до пруда, отец уже вытянул сеть. Рядом стояла телега, на которой красовались кадки, наполовину заполненные бьющейся рыбой.

Увидев сына, Тао Далан утер пот со лба старой ветошью, что висела у него на плече. Несмотря на мощное телосложение, он заметно сутулился, не прерывая работы ни на миг.

— Батюшка, последнюю сеть вытянем — и хватит.

— Ладно. Сегодня я с тобой в город отправлюсь.

— А как же батат?

— Немного осталось, третий дядя сказал — завтра у него выходной, сам всё выкопает.

Циньюй согласно кивнул.

Действуя слаженно, отец с сыном наполнили кадки доверху. Юноша бегом вернулся к дому:

— Младший папочка, есть хочется — сил нет!

— Да слышу я, не шуми, — отозвался Фан У, — младшие ещё спят.

Он выдал им свежеспечённые лепешки, заботливо завернутые в промасленную бумагу и обмотанные чистой тряпицей. В короб также отправился чайник с горячей водой. Циньюй закинул ношу за спину и крикнул на бегу:

— Мы ушли, папочка!

Фан У выскочил за порог:

— Да тише ты! Куда несёшься, точно ошпаренный!

— Знаю-знаю!

Небо едва начало светлеть. Отец с сыном, налегая на телегу — один тянул спереди, другой толкал сзади, — с натугой преодолели крутой склон на выезде из деревни.

— Эх, батюшка, нам бы ослика в хозяйство...

— Дорого нынче скотина стоит, не по карману нам.

Когда склон остался позади и дорога выровнялась, они наконец достали лепешки. Ели на ходу, жадно откусывая большие куски и запивая их теплой водой. Короткая трапеза придала сил, со лба скатывались крупные капли пота. Циньюй шумно выдохнул, и облачко белого пара растаяло в утреннем воздухе. Жизнь была тяжелой, но в этой усталости чувствовалось странное удовлетворение.

— Поднажмём, — бросил отец, — а то рыба в кадках уснёт.

Уезд Миншуй располагался на западном краю области Цзяньян. Хотя всю область славили как край рыбы и риса, Миншуй на это звание притязать не мог. Город стоял на самой границе с гористой областью Пэйси, и окрестности его изобиловали крутыми холмами да лощинами. Дороги здесь были скверными, то взмывая вверх, то ныряя в низины. Из-за каменистой почвы урожаи зерна здесь и вполнину не дотягивали до тех, что собирали на востоке области.

Когда они добрались до уезда, солнце уже стояло высоко. Улицы кипели жизнью. На рыбном рынке те торговцы, что притазились засветло, уже успели распродать добрую половину товара. Отец с сыном миновали городские ворота и свернули на Западную улицу, в самом конце которой и располагались рыбные ряды.

— А, Юй-гээр пришёл!

— Дядюшка Цзоу.

Цзоу Фэнчунь приходился бабушке Цинъюя дальним родственником. Семья Цзоу торговала рыбой испокон веков и владела множеством прудов. На всём рынке Миншуя только у них были обустроены специальные садки для живого товара.

Обмениваясь приветствиями с соседями, Цинъюй споро выгружал из телеги нехитрый скарб: скамьи, деревянные чаны и ножи. Тао Далан тем временем снимал тяжелые кадки и бегал к реке за чистой водой. За десять лет они отточили каждое движение до автоматизма.

Едва они успели разложиться, как подошли первые покупатели. Юноша с неизменной улыбкой зазывал прохожих, ловко выуживая рыбу из воды. Его отец же, дождавшись, пока сын взвесит улов, привычным жестом бил рыбину по голове обухом ножа. Чистка чешуи, удаление жабр и потрошение — всё это занимало у него считанные мгновения. В завершение мужчина ополаскивал колоду чистой водой и несколькими точными ударами разделял тушку на порционные куски.

Цинъюй подхватывал нежное мясо, выкладывал его на широкий банановый лист и крепко перевязывал пучком соломы. Покупателю оставалось лишь подхватить сверток, не боясь запачкать руки. Монеты одна за другой сыпались в холщовый мешочек, и их мелодичный звон заставлял юношу довольно щуриться.

— Доброго пути вам, заходите ещё!

Когда звонкая монета наполняла пояс, на суровом лице Тао Далана тоже появлялась улыбка. Глядя на своего сына, в чертах которого ещё проскальзывала детская припухлость, отец втайне раздумывал.

«А не оставить ли его дома ещё на пару годков? Молод совсем, прокормим как-нибудь»

Утренние часы — самое жаркое время на рынке. Цинъюй без усталости взвешивал товар, перебрасываясь шутками с покупателями и за всё утро ни разу не присел. К полудню кадки заметно опустели. Ополоснув руки, покрасневшие от ледяной воды, юноша вытер их ветошью и обратился к отцу:

— Батюшка, я отойду ненадолго, прикуплю кое-чего.

— Я с тобой пойду.

— Да тут рыбы-то осталось всего ничего, справлюсь сам. Дорогу я знаю, не маленький.

Тао Далан помедлил, но кивнул:

— Ну, иди.

Цинъюй, точно верткий вьюн, нырнул в многоголосую толпу и мгновенно растворился в рыночной суете. Ему не терпелось своими глазами увидеть, что же это за семья Вань такая «золотая».

<http://bllate.org/book/15858/1437103>